

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2018, №4, Том 10 / 2018, No 4, Vol 10 <https://esj.today/issue-4-2018.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf>

DOI: 10.15862/55ECVN418 (<http://dx.doi.org/10.15862/55ECVN418>)

Статья поступила в редакцию 15.08.2018; опубликована 03.10.2018

Ссылка для цитирования этой статьи:

Рагулина М.В. Культурные аспекты этноэкономики и продовольственная безопасность коренных народов Севера: подходы к исследованию // Вестник Евразийской науки, 2018 №4, <https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/55ECVN418

For citation:

Ragulina M.V. (2018). Cultural aspects of the ethnic economy and food security of the indigenous peoples of the North: approaches to research. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 4(10). Available at: <https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf> (in Russian). DOI: 10.15862/55ECVN418

УДК 332.3; 338.2

ГРНТИ 06.61

Рагулина Милана Владимировна

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия
Педагогический институт

Профессор кафедры «Географии, безопасности жизнедеятельности и методики»

ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы» СО РАН, Иркутск, Россия

Ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии

Доктор географических наук

E-mail: milanara@yandex.ru

Культурные аспекты этноэкономики и продовольственная безопасность коренных народов Севера: подходы к исследованию

Аннотация. Продовольственная безопасность как единство экономической, физической доступности и качества продовольствия – одна из приоритетных исследовательских тем, поскольку от ее уровня зависит воспроизводство населения, долголетие, здоровая и деятельная жизнь, экономическое благополучие регионов и стран. В отечественной науке исследования продовольственной безопасности начаты в постперестроечный период; тематика арктических и северных этносов в этом контексте практически не освещена. Территории проживания северных этносов испытывают значительный антропогенный и социокультурный прессинг, углубляются трансформации традиционного природопользования, жизнеобеспечения и культурной сферы, этнокультурная специфика, обычаи и социальные отношения «накладывается» на общую для всех северян проблему доступности и качества продовольствия. Концепция продовольственной безопасности, разработанная на примере развитых стран, для применения к сообществам коренных народов Севера нуждается в расширении понятийного аппарата. Две линии движения в этом направлении – применение культурно-антропологических подходов и качественных методов в этноэкономике и адаптация концепта продовольственных пустынь. Жизнеобеспечение коренных народов Севера не поддается исчерпывающему осмыслению только с помощью формализованных экономических моделей и количественных данных, необходим «взгляд изнутри», интерпретация самими представителями этнических общин того, чем является для них оленеводство, охота, рыболовство и собирательство, а также исследования методами интервью. Продовольственная пустыня, «food desert» – научная метафора, которая отражает нарушение доступа населения к

экономически приемлемому для него и качественному продовольствию в пространственно-географическом аспекте. Это понятие применительно к коренным северным сообществам может стать интегральной категорией, объединяющей и пространственно визуализирующей системную взаимосвязь, диспропорции, сложность и уязвимость объективных и субъективных составляющих продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; коренные народы Севера; этноэкономика; традиционное землепользование; традиционная пища; покупное продовольствие; продовольственная пустыня; продовольственный ландшафт; качественные методы; сети взаимопомощи

Введение

Уникальность коренных народов Севера выражена в адаптированности к жестким природно-климатическим условиям высоких широт. Социальная организация, хозяйство, культура, природопользование и психофизиологические процессы неизбежно находятся под влиянием природно-географических ограничений. Этноэкономика северных сообществ опирается на традиционное природопользование, как основу жизнеобеспечения. Оно вовлекает человека в ежедневный, соразмерный природным ритмам осмысленный труд, имеющий глубокий культурный смысл и передающийся через поколения. Ареал традиционного природопользования осмысливается не только как ресурс, но и как «дом», «живая земля», «хоумлэнд», «правильное» место для «правильной жизни» [1]. Этноэкономика, здоровье, образ жизни, природный ландшафт, культура – компоненты единой системы жизнеобеспечения аборигенного социума. Связь традиционного природопользования и продовольственной безопасности закреплена на уровне международного сообщества: так, Канада внесла в Конвенцию Международной организации труда № 169 (1989) положение о том, что права коренных народов на землю связаны с продовольственной безопасностью [2].

Социально-экономические преобразования с 1920-30 гг. «набрали обороты» к середине XX в. и стремительно ускорились в эпоху глобализации. Они изменили качество природной среды, материальную и духовную культуру, физиологическую устойчивость аборигенных народов, пошатнули представления о сакральности хозяйственного ареала, который теперь можно было уступить ресурсодобывающим компаниям в обмен на материальные компенсации.

Трансформация природопользования и образа жизни северных народов происходила повсеместно, вне зависимости от политического строя государства. Вовлечение этноэкономики в крупные экономические системы социалистического либо капиталистического типов отразилось на продовольственной безопасности. Изменились условия физического доступа к продовольствию, качественные и количественные характеристики традиционной пищи, ее культурная и символическая роль, экономические возможности аборигенных социумов в обеспечении продуктами, расширился продовольственный ассортимент, потенциально доступный для аборигенов. Диспропорции свойственны уровню и качеству жизни индигенных народов Российской и Зарубежной Арктики, у последних он выше, меры социальных и законодательных гарантий также различаются. В сфере снабжения продовольствием и сохранения традиционного хозяйства сформировались острые проблемы. К примеру, ряд канадских арктических общин периодически испытывают спектр негативных состояний – от тревоги до настоящего голода [3].

Поэтому анализ подходов к продовольственной безопасности и традиционному природопользованию аборигенных сообществ актуален как в плане методологии и методики, так и в аспекте «опережающей проблемности»: опыт более экономически благополучных и социально защищенных сообществ, имеющих дефициты продовольственной безопасности,

может позволить избежать сходных трудностей в отечественном контексте. Последнее обстоятельство придает постановке задачи изучения подходов к традиционному природопользованию, продовольственной безопасности и продовольственным пустыням северных народов прогностический смысл.

Цель статьи заключается в аналитическом осмыслении проблем и подходов к исследованию продовольственной безопасности северных народов, занятых традиционным природопользованием. В задачи работы входит аналитика культурной специфики концепта «продовольственная пустыня» и традиционной этноэкономики в контексте продовольственной безопасности северных сообществ.

Продовольственная безопасность аборигенов Севера: категории исследования и проблемы

Продовольственной безопасности народов Зарубежной Арктики посвящено множество исследований, отечественные работы затрагивают данную тематику косвенно, в ракурсе медико-физиологических и этнологических проблем, а концепт продовольственных пустынь в арктическом контексте не применялся ни в России, ни за рубежом.

Исследования продовольственной безопасности Канадской Арктики и США выявили ряд болезненных проблем в общинах коренных народов, что позволило уподобить северные регионы развитых стран развивающимся государствам [4]. Нарушения доступности продовольствия и его качественная неполноценность, имеющие пространственное выражение, подпадают под критерии продовольственной пустыни.

Концепт «продовольственная пустыня» позволяет делимитировать проблемные ареалы, что упрощает территориальное планирование и управление, позволяет сделать меры поддержки уязвимых групп населения более адресными и точными. История понятия связана с исследованиями в развитых странах – США и Великобритании, оно появилось в начале 1990-х гг., чтобы отразить значительные нарушения по всем трем критериям продовольственной безопасности (экономическая и физическая доступность и качество продовольствия) и соотнести их с конкретными географическими границами [5]. Продовольственные пустыни бедных и геттоизированных районов развитых стран связаны с дефицитами розничной торговли, ее территориальными диспропорциями и низкой покупательной способностью населения. Для жителей продовольственных пустынь характерно социальное неблагополучие, которое проявляется в низкой занятости, высокой роли пособий и государственной поддержки (социальном иждивенчестве), повышенном уровне преступности, этнической и расовой сегрегации. Ожирение и рост сопутствующих патологий – дополнительный маркер продовольственной пустыни [6].

Категория продовольственной пустыни в настоящее время активно внедряется в исследования продовольственной безопасности развивающихся стран, поскольку доступ к продовольствию в них осложняется макроэкономическими факторами, общей кризисностью социально-экономической ситуации, имеет социально-культурные и этнотрадиционные особенности [7; 8].

Соотношение понятий «продовольственная пустыня» и «продовольственная небезопасность», (отсутствие продовольственной безопасности) (food insecurity) близки в фокусировке на доступности и качестве продовольствия, но первое акцентирует ареальный характер явления, а второе изучается в контексте влияния на здоровье населения [9; 10]. В работах по продовольственным пустыням развивающихся стран особо подчеркивается роль кризисной экономики и локальная специфика сообществ [11].

Первоначально продовольственные пустыни рассматривались как присущие городским сообществам в развитых и развивающихся странах, поскольку предполагалось, что продукция сельских домохозяйств может компенсировать недостаточность доступа к продовольствию [12; 13]. Трудности экономической трансформации, территориальные диспропорции кризисного экономического ландшафта позволяют расширить границы данного концепта на сельские сообщества. Работы такого плана немногочисленны и только появляются [11; 14].

Кризисность экономики северных сообществ в России и за рубежом значительно варьирует, но их объединяет природно-географическое осложнение физической доступности покупного продовольствия. В исследовании продовольственной безопасности аборигенов Севера четко различаются две категории: традиционная и покупная пища. В их соотношении ведущую роль играет уровень сохранности традиционного природопользования и образа жизни. Традиционная и нетрадиционная (покупная, привозная) пища находятся в состоянии взаимно-дополнительного баланса: когда убывает одна часть, возрастает другая. Циклические колебания рациона адаптивны, поскольку традиционное питание связано с характером природопользования и четкой сезонной представленностью его продукции в рационе.

Продукция охотничьего промысла, рыболовства, собирательства и оленеводства поступает в результате эксплуатации функционально различающихся угодий в пределах хозяйственного ареала общины. Изъятие земель аборигенов, либо ухудшение их качества в результате промышленного освоения действует двояко: во-первых, в годовом продовольственном цикле формируется брешь, которую с разным успехом заполняют нетрадиционные продукты. Колебания продуктивности ресурсов и экстремальные природные явления ставили аборигенный социум на грань выживания и вынуждали искать решение за счет покупного продовольствия, обменных отношений с пришлым населением. Вплоть до начала XX в. покупное продовольствие поставлялось в относительно небольших объемах, и качество обработки пищевых продуктов было иным: отсутствовали технологические, а также экономические возможности получения и доставки в Арктику больших объемов нутриентов – быстрых углеводов и жиров. Привозное продовольствие по своим характеристикам хоть и отличалось от традиционного, но не нарушало здоровья населения. И это при том, что арктические и северные этносы имеют генетически обусловленные трудности усвоения сахарозы, так как углеводы всегда были представлены в питании минимально, малосладкими и сезонно-кратковременными кореньями и ягодами [15]. В настоящее время ситуация иная, среди зарубежных коренных народов метаболические нарушения, сахарный диабет и ожирение имеют характер эпидемии [16; 17].

Во-вторых, из оборота традиционного природопользования «выключаются» не только угодья, ответственные за определенный тип продовольствия, но и практики хозяйствования с утилитарным и культурно-символическим наполнением. Как отмечает Норин Уиллоус, «предпочтение традиционных продуктов питания – не только получение продовольствия, но и способ производства, который поддерживает социальные отношения и самобытные культурные особенности. Потребление традиционных продуктов питания – не просто еда; это конечная точка ряда культурно значимых процессов, участвующих в сборе, обработке, распределении и приготовлении продуктов. Для многих коренных народов эти процессы требуют постоянного применения важных в культурном отношении методов поведения, в которых особое внимание уделяется сотрудничеству, обмену и дарению» [18, 533]. Поэтому этноэкономические исследования имеют в своей методологии сильный культурно-антропологический компонент [19, 20].

Не всегда можно провести четкую границу между продукцией, предназначенной для продажи и собственного потребления: так, туша добытого зверя может быть частично разделена и подарена соседям и друзьям, часть мяса уйдет в пищу, примеру, шкура и рога могут

быть проданы. Подобный тип использования ресурсов, свойственный небольшим общинам коренных народов, значительно усложняет применение расчётных экономических моделей [21]. Этот пример подтверждает важность вошедших в этноэкономику качественных методов, выявляющих внутреннюю смысловую специфику хозяйственных отношений и практик.

В ряде трактовок традиционного природопользования подчёркиваются его самообеспечивающие, натуральные аспекты, и в то же время, возможности профессиональной самореализации для аборигенов Севера крайне невелики, а безработица значительна. Поэтому представления о том, что нарушение натуральности хозяйства представляет отход от традиционности, имеют ограничивающий характер.

Сети взаимопомощи, обычаи дарения, продажа части промысловой продукции сливаются в единый комплекс экономической адаптации к природной среде и современным социальным реалиям. При этом географическая удаленность от основных транспортных магистралей и дороговизна транспортных услуг делают доступность продовольствия, как экономическую, так и физическую, проблематичной. В дополнение к этому воздействуют субъективные факторы: личные убеждения хозяина единственного в поселении магазина о вреде либо пользе определенного вида продовольствия и его установки относительно скоропортящихся и долгохранящихся продуктов могут существенно повлиять на продовольственную безопасность огромного ареала [15]. Иными словами, в формировании продовольственных пустынь нужно искать не только объективные, но и субъективные причины, которые действуют в комплексе, и часто не находятся на поверхности, а экономическая целесообразность и границы традиционного природопользования должны трактоваться в расширительном смысле, с учетом его социальных и этносохраняющих функций.

Необходимость учета не только потребления, но и распределение продовольствия вызвана тем, что в западном обществе распределение соотносится преимущественно с конфигурацией торговых сетей – супермаркетами и продуктовыми магазинами и экономической возможностью людей приобретать продовольствие. Иная ситуация в аборигенных сообществах – сети обмена и взаимопомощи, дарения, угощения остаются «невидимыми» для стандартных процедур учета потребления.

Потребление традиционных продуктов сезонно, на него влияют экономические ресурсы домохозяйства, навыки промысловой деятельности, внутриобщинные культурные запреты, природоохранная деятельность, колебания биоресурсного потенциала, отношение и вписанность аборигенного социума в «большое» общество. Поэтому при снижении роли таких продуктов в рационе вероятно воздействие комплекса причин. При выявлении роли традиционного продовольствия предстоит ответить на вопросы:

- является ли для данного сообщества аборигенов доступ к достаточному количеству традиционной пищи символической ценностью, частью идентичности;
- можно ли считать тип традиционного питания, свойственный общности, здоровым и сбалансированным в историко-экономической перспективе;
- соотносится ли сезонность поступления традиционной пищи с занятостью в традиционном хозяйстве, владению навыками его ведения, степенью трансформированности природопользования;
- насколько социум способен сам обеспечить себя традиционной пищей, каковы его внутренние ресурсы, препятствия и способы их преодоления.

Продовольственная безопасность в большинстве трактовок ориентируется на экономические количественные методы и моделирование. Обозначенный круг вопросов относительно питания северных аборигенных сообществ невозможно исследовать без качественных методов. Обмен, потребление, заготовка продукции традиционного природопользования охватывают четыре блока продовольственной безопасности, выделенных ФАО¹: доступность, наличие, использование и стабильность поставок, и в этих блоках сочетают объективные и субъективные факторы.

Традиционная пища, помимо своего прямого назначения – культурный символ этнической и локальной идентичности. Для восполнения этого пробела предложена разработка «культурной продовольственной безопасности». В концепции культурной продовольственной безопасности особое внимание уделено способности коренных народов обеспечить надежный доступ к продуктам питания с помощью традиционных методов хозяйствования. Показатели культурной продовольственной безопасности включают сложившиеся в сообществе на протяжении веков и десятилетий уровни продовольственных знаний, работоспособные традиционные продовольственные системы и безопасность традиционных продуктов. Обеспечение продовольствием находится под угрозой целого ряда факторов, включая отсутствие доступа к традиционным землям; обеднение запасов и плотности растений и животных; изменения в миграционных путях промысловых видов; нарушение передачи культурного опыта от старших к молодежи; снижение времени и энергии необходимого для традиционного природопользования за счет оплачиваемой трудовой деятельности; потеря способности ценить традиционные продукты за счет увеличения доли покупного продовольствия с более яркими, «синтетическими» вкусами; отсутствие денег на расходы, связанные с охотой и рыболовством; отсутствие трудоспособных членов семьи, которые могут заниматься традиционным природопользованием, а также сдерживающие факторы, «встроенные» в программы социальной помощи [2].

Заключение

Таким образом, продовольственная безопасность народов Севера не может планироваться извне как набор стандартных решений, поскольку даже в пределах одного региона существует разнообразие этнокультурных, ландшафтных условий и социально-экономических факторов, к которым адаптируется хозяйство. Неисследованными остаются проблемы, какие именно компенсаторные механизмы выручают коренные северные и старожильческие сообщества при нарушении продовольственной безопасности, как «работают» механизмы неформальной взаимопомощи и насколько удастся смягчить воздействие количественного дефицита и качественной неполноценности продовольствия; что из традиционных ресурсов замещает недостающее покупное продовольствие; как сети взаимопомощи, увеличение нагрузки на ресурсы при полунатуральном жизнеобеспечении смягчают ситуацию. Вопрос о том, насколько эффективно это смягчение, требует дополнительного изучения с применением количественных и качественных подходов.

Поэтому инструментарий изучения дефицитов продовольственной безопасности – анкеты, опросники, опорная структура интервью должны быть адаптированы не только к конкретной этнической общности, но и местной культуре, уникальному жизненному опыту, возрасту и мировоззрению респондентов.

Применение категории продовольственной пустыни, качественных и количественных методов этноэкономики, визуализации данных с помощью геоинформационных технологий

---

¹ Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

позволит наглядно представить пространственные диспропорции ареалов с наиболее нарушенным продовольственным снабжением и самообеспечением. Комплексный этноэкономический подход, сфокусированный на соотношении продовольственного и культурного ландшафтов, социально-экономических характеристик аборигенных и старожильческих сообществ будет способствовать разработке более целенаправленной региональной политики для решения проблем, помогая определить, каким сообществам и районам следует уделять первоочередное внимание, и где наиболее сильно выражены ресурсные, технологические, экологические и иные ограничения традиционного природопользования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sirina A. The Living Land: Ecological Ethics of the Evenks and Evens // *Sibirica*. – 2008. – Т. 7. – №. 2. – С. 1-22.
2. Power E.M. Conceptualizing food security for Aboriginal people in Canada // *Canadian Journal of Public Health / Revue Canadienne de Sante'e Publique*. – 2008. – С. 95-97.
3. McIntyre L., Connor S.K., Warren J. Child hunger in Canada: results of the 1994 National Longitudinal Survey of Children and Youth // *Canadian Medical Association Journal*. – 2000. – Т. 163. – №. 8. – С. 961-965.
4. Waldram J.B., Herring A., Young T.K. *Aboriginal health in Canada: Historical, cultural, and epidemiological perspectives*. – University of Toronto Press, 2006.
5. Cummins, S. Food deserts. In *The Wiley Blackwell encyclopedia of health, illness, behavior, and society*. Hoboken, NJ: Wiley. – 2014. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118410868.wbehibs450/> (last accessed 14 August 2018).
6. Alviola P.A. et al. Determinants of food deserts // *American Journal of Agricultural Economics*. – 2013. – Т. 95. – №. 5. – С. 1259-1265.
7. Davies G., Frausin G., Parry L. Are there food deserts in rainforest cities? // *Annals of the American Association of Geographers*. – 2017. – Т. 107. – №. 4. – С. 794-811.
8. Ragulina M.V., Rogovskaya N.V. Food Desert and Foodscape: Spatial Categories of Food Security // *Astra, Salvensis*, VI (2018), Special Issue, p. 627-634.
9. Leete L., Bania N., Sparks-Ibanga A. Congruence and coverage: Alternative approaches to identifying urban food deserts and food hinterlands // *Journal of Planning Education and Research*. – 2012. – Т. 32. – №. 2. – С. 204-218.
10. Frozi D.S. et al. Characteristics of social vulnerability and food insecurity among urban families in extreme poverty in Brazil // *Journal of Food Security*. – 2015. – Т. 3. – №. 2. – С. 62-68.
11. Lebel A. et al. Identifying rural food deserts: Methodological considerations for food environment interventions // *Can J Public Health*. – 2016. – Т. 107. – С. 21-26.
12. Beaulac J., Kristjansson E., Cummins S. Peer reviewed: A systematic review of food deserts, 1966-2007 // *Preventing chronic disease*. – 2009. – Т. 6. – №. 3. С. 1-10.
13. Рагулина М.В., Григорьева М.А. Розничная торговля, культурный ландшафт и феномен «продовольственных пустынь» // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. – 2016. – №. 11. – С. 19-23.

14. Piperata V.A. et al. Dietary inequalities of mother-child pairs in the rural Amazon: Evidence of maternal-child buffering? // *Social Science & Medicine*. – 2013. – Т. 96. – С. 183-191.
15. Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К. Гены и традиции питания // *Этнографическое обозрение*. – 2009. – Т. 3. – С. 117-137.
16. Kuhnlein H.V. et al. Arctic indigenous peoples experience the nutrition transition with changing dietary patterns and obesity // *The Journal of nutrition*. – 2004. – Т. 134. – №. 6. – С. 1447-1453.
17. Young T.K. et al. Type 2 diabetes mellitus in Canada's First Nations: status of an epidemic in progress // *Canadian Medical Association Journal*. – 2000. – Т. 163. – №. 5. – С. 561-566.
18. Willows N.D. Determinants of healthy eating in Aboriginal peoples in Canada: the current state of knowledge and research gaps // *Canadian Journal of Public Health / Revue Canadienne de Sante'e Publique*. – 2005. – С. 532-536.
19. Kaplan D.H. *Landscapes of the ethnic economy*. – Rowman & Littlefield Publishers, 2006.
20. Рагулина М.В. Методы этноэкономических исследований коренных малочисленных народов Сибири в преддверии коллективизации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7, №5 (2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/203E VN515.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/203E VN515.
21. Condon R.G., Collings P., Wenzel G. The best part of life: Subsistence hunting, ethnicity, and economic adaptation among young adult Inuit males // *Arctic*. – 1995. – С. 31-46.

Ragulina Milana Vladimirovna

Irkutsk state university, Irkutsk, Russia
Pedagogical institute

V.B. Sochava institute of geography of the Siberian branch of the Russian academy of sciences, Irkutsk, Russia
E-mail: milanara@yandex.ru

Cultural aspects of the ethnic economy and food security of the indigenous peoples of the North: approaches to research

Abstract. Food security is the unity of economic, physical accessibility and quality of food. Currently, food security is one of the priority research topics in economic science. The level of food security depends on the health of the population, the economic well-being of regions and countries. Studies of food security in Russia started in the post-Soviet period. Indigenous peoples of the North in this aspect has not been studied. Indigenous territories are used by industry, traditional nature management, culture and traditions are being transformed. The North has great problems of accessibility and quality of food. The concept of food security, developed on the example of developed countries, needs to expand the conceptual apparatus for application to indigenous peoples. There are two lines of development of this concept-the first, the use of cultural and anthropological approaches and qualitative methods in the ethnic economy and the second, the use of the concept of food deserts. The livelihoods of the indigenous peoples of the North need to be studied through formalized economic models and quantitative data, complemented by interpretations of indigenous peoples' lifestyles and livelihoods, reindeer breeding, hunting, fishing and gathering. Food desert is a scientific metaphor that reflects the violation of the population's access to food in the spatial and geographical aspect. This concept can become an integral category uniting and spatially visualizing system interrelation, disproportions, complexity and vulnerability of objective and subjective components of food security of the indigenous peoples of the North.

Keywords: food security; indigenous peoples of the North; ethnic economy; traditional land use; traditional food; market food; food desert; food landscape; quality methods; mutual aid networks